

Археология в этнографических музеях Санкт-Петербурга XIX — начала XX веков

Резюме. Первые археологические коллекции (золотые вещи из сибирских курганов) появились в Кунсткамере в 1715 г. С 1860-х гг. Музей этнографии начал собирать и демонстрировать археологические материалы, преимущественно по каменному веку. В 1894 г. директором музея В. В. Радловым был учрежден специальный археологический отдел, позднее появился отдел исторической археологии Средней Азии. С 1906 г. музей проводил археологические раскопки в различных частях Европейской России, Средней Азии и Сибири. К 1914 г. в музее было более 33 тысяч археологических предметов. В 1912 г. была открыта археологическая экспозиция, показывающая доисторический, классический и средневековый периоды. Этнографический отдел Русского музея, созданный в 1902 г., также начал собирать археологические материалы. В 1909–1913 гг. музей организовал и финансировал исследования Н. И. Репникова в Старой Ладoge. К середине XX в. в археологическом собрании Этнографического отдела насчитывалось более 30 тыс. единиц хранения, и в 1954 г. они были переданы в Государственный Эрмитаж.

Ключевые слова: археология, этнографические музеи, Санкт-Петербург.

Tikhonov I. L. Archaeology at the ethnographical museums of St.-Petersburg in XIX and early XX centuries. The Kunstkamera acquired its first archaeological exhibits (gold Scythian articles from Siberian barrows) in 1715. Since 1860s the Museum of Ethnography has started to collect and exhibit Stone Age artifacts. In 1894 V. V. Radlov, the director of the museum, organized the Archaeological department, which was later added with the department of the Historical Archaeology of Central Asia. Since 1906 the Museum has carried out archaeological excavations in different parts of European Russia, Central Asia, and Siberia. By 1914 the museum collection included over 33.000 archaeological items. The archaeological exposition devoted to prehistoric, classical and medieval periods was opened in the museum in 1912. Another institution possessing a rich collection of archeological artifacts was the Ethnographic Department of the Russian Museum, established in 1902. The museum organized and sponsored N. I. Repnikov's archaeological works at Staraya Ladoga in 1909–1913. In 1954 more than 30.000 items from the archaeological collection of the Ethnographic Department of the Russian Museum were transferred to the State Hermitage.

Key words: archaeology, ethnographical museums, St. Petersburg.

В середине XIX столетия археология и этнография были очень тесно связаны между собой. Уваровское определение археологии как науки о древнем быте различных народов фактически превращало ее в палеоэтнографию. Еще в большей степени подобная позиция была характерна для представителей палеоэтнологического направления в отечественной археологии (Тихонов 1995; Платонова 2008: 26, 33). Ученые, придерживавшиеся таких взглядов, как правило, совмещали занятия этнографией и археологией, в ходе своих

(Радлов 1894: 125–126). Особый интерес из них представляли бронзовые навершия с изображением оленя и лося, поскольку на подобных же навершиях из Минусинской котловины обычно изображались горные козлы (Завитухина 1978: 38). Некоторые предметы были утрачены после пожара Кунсткамеры в 1747 г. и до нас дошли только их изображения, выполненные с большой точностью и реалистичностью художником экспедиции И. В. Люрсениусом. Благодаря высокому качеству этих рисунков многие из изображенных предметов могут быть соотнесены с существующей культурно-хронологической периодизацией первобытных и средневековых памятников Южной Сибири (Борисенко, Худяков 2002: 14). В 1764 г. по распоряжению императрицы Екатерины II в Кунсткамеру были переданы золотые и серебряные находки, сделанные генералом-поручиком А. П. Мельгуновым в кургане «Литая могила». Это был первый скифский комплекс, ставший известным отечественной науке. Описание и попытку атрибуции этих вещей предпринял академик Г. Ф. Миллер (Тихонов 2007: 93–94).

В XVIII в. были предприняты и первые попытки «введения в научный оборот» древностей из собрания Кунсткамеры. Так, в 1742 г. был выпущен в свет второй том каталога музея, большую часть которого занимало описание античного и средневекового нумизматического собрания Кунсткамеры (Musei 1742). Описание некоторых археологических предметов было включено и в опубликованный в 1779 г. на русском языке путеводитель, составленный И. Бакмейстером (Станюкович 1964: 3; Бакмейстер 1779: 130).

В первой четверти XIX в. коллекции Кунсткамеры разделили между несколькими академическими музеями, которые таким образом и были созданы. По академическому регламенту 1836 г. самостоятельным учреждением стал Этнографический музей. Азиатский музей, созданный в 1818 г., ориентировался в основном на собирание рукописей и монет, но туда же были переданы древности из сибирских могил и археологические коллекции, найденные в Булгарах (Станюкович 1953: 214). В составе Азиатского музея к середине столетия существовал помимо минц-кабинета и кабинет древностей, но там хранились только предметы материальной культуры, имеющие надписи, поскольку остальные вещи в 1857 г. были переданы в Этнографический музей (Тихонов 1973: 15). Нумизматическое собрание Азиатского музея было систематизировано его первым директором академиком Х. Д. Френом, издавшим соответствующий каталог в 1826 г. После освобождения от негодных экземпляров и дублетов оно составило 4295 экземпляров (179 золотых, 3484 серебряных, 732 медных) и продолжало активно пополняться до 1880-х гг. (Бартольд 1920: 108–110).

В 1825 г. под руководством академика Х. Ф. Грефе был создан Египетский музей. Его основу составила коллекция древностей, приобретенная в том же 1825 г. у миланского купца де-Кастильена и состоящая из 1200 разнообразных предметов, в том числе нескольких мумий. Еще 3 мумии и тройной саркофаг поступили в 1827 г. в качестве дара от купца А. Аверова, который купил их в Египте. «Египетский музеум» Академии просуществовал сравнительно недолго, некоторая часть его коллекций была передана в 1883 г. Этнографическому музею, а основная масса (более 2 тысяч номеров) поступила в Императорский Эрмитаж. Из оставшихся предметов египетского музея, к которым присоединили археологические коллекции, имевшиеся при библиотеке («некоторое

количество греческих ваз», «разные предметы из обожженной глины») и античной части нумизматического собрания Академии был создан новый музей, получивший название «Музей классической археологии» (Станюкович 1964: 45). Но он также просуществовал недолго и в 1890-е гг. его археологические коллекции почти целиком перешли в Эрмитаж. Между тем еще в 1838 г. П. И. Кеппен обращался в Конференцию Академии наук с призывом создать «особое собрание могильных вещей», которое могло бы объединить археологические находки, рассеянные по различным академическим собраниям. Намечал он и структуру подобного собрания по материалу (камень, керамика, дерево, стекло, металл) и категориям вещей (Тункина 2002: 631–633). Два десятилетия спустя с подобным призывом выступил академик К. М. Бэр, который еще с 1840-х гг. собирал археологические предметы, отражающие материальную и духовную культуру предков современного человека, в возглавляемом им же Анатомическом кабинете, преобразованном в Музей соматической антропологии и доисторической археологии (Итс 1991: 157). По его же инициативе было предпринято издание на русском языке книги Й. Я. Ворсо «Северные древности королевского музея в Копенгагене» (СПб., 1861), перевод которой осуществил хранитель Этнографического музея Л. Ф. Радлов, специально командированный в Копенгаген и Стокгольм для ознакомления с устройством и работой археологических музеев. Ставя перед российской наукой задачи по поискам и изучению памятников каменного века, Бэр считал необходимым создание специального музея древностей (Лебедев 1992: 93). Это предложение не получило должного отклика ни у правительства, ни у общественности, и тогда Бэр начал вместе с директором Этнографического музея А. А. Шифнером вынашивать идею объединения антропологических, этнографических и археологических коллекций Академии наук. В специальной записке «О собирании доисторических древностей в России для Этнографического музея» они доказывали, что в условиях отсутствия специального музея заниматься сбором «каменных орудий и керамики» должен Этнографический музей (Бэр, Шифнер 1862: 122–123). Одним из результатов поездки Л. Ф. Радлова в Копенгаген стала договоренность об обмене материалами между музеями, и уже в 1862 г. в Петербург были присланы 39 вещей бронзового века, среди которых были топоры, мечи и кинжалы, ножи и серпы, бритвы, браслет, фибулы и гривны (Губанов 2009: 86–102).

В середине 1860-х гг. среди экспонируемых коллекций музея уже значились «древности каменного и бронзового веков». Правда, нельзя не упомянуть, что в 1859 г. Академия лишилась своего самого ценного археологического собрания — сибирской коллекции Петра I и «Мельгуновского клада». Это произошло следующим образом. В декабре 1859 г. председатель только что созданной Императорской Археологической комиссии граф С. Г. Строганов устроил в Эрмитаже выставку части археологических вещей, хранящихся в Академии наук. В основном это были золотые вещи, выполненные в скифском зверином стиле. Мотивируя тем, что они хранятся в Академии «не разложенными, в ящиках и недоступны ни для обозрения, ни для изучения», Строганов выступил с предложением о передаче их в Эрмитаж. Подготовив, таким образом, почву, он инициировал осмотр выставки императором Александром II, который тут же и распорядился осуществить эту передачу (РА ИИМК РАН. Ф. 1. 1859 г. Д. 4. Л. 17–18).

Несмотря на эту утрату, пополнение Этнографического музея Академии археологическими предметами интенсивно продолжалось, особенно с 1860-х гг. Поступали коллекции из развалин Сарая, с побережья Каспийского моря, из Киргизских степей и Алтая, из Олонецкой губернии. В 1870-е гг. значительно увеличилось число их поступлений и расширился географический круг (Крым, Сибирь, Амурский край, Средняя Азия и т. д.). Большие коллекции были собраны: И. С. Поляковым в Карелии, на Верхней Волге, на палеолитических стоянках Костенки и Карачарово, неолитической стоянке Волосово и др.; К. С. Мережковским на палеолитических памятниках горного Крыма. Поступили «мерянские вещи» из раскопок А. С. Уварова 1877 г. Появляются и зарубежные находки из Франции, Скандинавии, Швейцарии, Америки. Хранитель музея Ф. К. Руссов, посетив археологические собрания Берлина, Нюрнберга, Вены, утверждал, что в некоторых случаях аналогичные коллекции Этнографического музея не только не уступает им, а даже превосходят. В своем донесении о результатах поездки, он писал: «Подобной коллекции каменных орудий, как например, наша Бутеневская из Олонецкой губернии, дополненная недавно множеством слепков с таких орудий, найденных в разных частях Финляндии, я не встречал нигде» (Руссов 1869: 103). Правда, позднее в своем же историческом очерке Руссов признавал, что в экспозиции того времени было чрезвычайно тесно и некоторые коллекции были в ящиках, а не шкафах (Russow 1900: 31).

В конце 1878 г. Академия наук, наконец, приняла проект объединения Антропологического (Анатомического) и Этнографического музеев. Новый музей получил официальное название «Музей антропологии и этнографии преимущественно России», впрочем, от последних двух слов впоследствии отказались. Среди целей и задач музея в его уставе значилось: «Собирать доисторические древности, найденные в России; заботиться о соответствующей постановке предметов в трех отделах: по антропологии, по этнографии и по доисторической археологии» (Станюкович 1964: 65). Соответственно, хотя «археология» и не фигурировала в названии, согласно уставу музей должен был быть в такой же степени археологическим, как и антропологическим и этнографическим. В начале 1880-х гг. «собрание доисторических древностей каменного века, относящихся исключительно к России», насчитывало 1875 номеров, а «собрание древностей, найденных в курганах и древних могилах, а равно и других остатков древнейшей культуры» — 259 номеров (ПФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 32. Л. 1). Однако музею не хватало ни финансов на приобретение новых экспонатов и организацию экспедиций, ни помещений, ни сотрудников. Только в 1887 г. он получил выставочное помещение из двух залов на втором этаже флигеля, пристроенного к зданию Кунсткамеры по Таможенному переулку. В этом помещении и открылась первая экспозиция объединенного музея. Как следует из путеводителя по ней, составленного Ф. К. Руссовым и выпущенного в свет в 1891 г., археологические коллекции демонстрировались в двух разделах экспозиции. Выставка отдела антропологии состояла из двух частей: «Отдел древностей каменного века» и «Отдел человеческих черепов и скелетов». В первом, помимо коллекций каменных орудий с территории России, присутствовали «орудия и оружия островитян Тихого океана и первобытных жителей побережий Берингова моря» (это были скорее этнографические материалы) и подлинные предметы и слепки из ряда европейских стран. В этнографической

части экспозиции имелся раздел «Древности, относящиеся к эпохе бронзы и железа», в котором были показаны «чудские» медные орудия, оружие и «мелкие изделия» из Сибири; предметы из раскопок курганов Тверской, Вологодской, Владимирской, Ярославской губерний, окрестностей Мелитополя и Крыма; «остатки различной домашней утвари из камня, глины, стекла, кости и металлов» из Поволжья и Средней Азии. Большинство предметов выставлялось в шкафах по материалу, из которого они были изготовлены: вещи из бронзы, железа, керамика. Последние в свою очередь подразделялись по размеру и технике — лепные или гончарные. Здесь также имелись и зарубежные находки, экспонируемые для сравнения и подтверждения эволюционистских представлений о сходстве и поэтапном развитии многих элементов культуры, особенно технологических, на различных территориях. Так, вместе с бронзовыми орудиями из Восточной Сибири были помещены аналогичные предметы из Дании (Руссов 1891: 21–23; 66–67). Вместе с этнографическими коллекциями продолжали поступать и археологические предметы. Например, в 1893 г. в музей поступило собрание К. И. Вебера из 144 вещей по археологии и этнографии Кореи (Музей 1917: 247).

Новый этап в деятельности Музея антропологии и этнографии начинается в 1894 г., когда на пост его директора приходит известный ученый В. В. Радлов, стремившийся всячески пополнять собрания и развивать научную и экспедиционную стороны деятельности музея. В сферу интересов выдающегося тюрколога входила и археология. Еще в 1860-х гг., живя в Барнауле, он проводил многочисленные раскопки курганов в долине Енисея и на Алтае, Абаканской и Киргизской степи. Правда, образцовыми, как полагал А. М. Решетов (Решетов 1995: 77), их назвать трудно, поскольку использовалась традиционная методика раскопок «колодцем» или «траншеей» (Артюх 2005: 253). В. И. Матющенко считал, что эти раскопки проводились на невысоком методическом уровне и полевая документация была невысокого качества, но тем не менее они обогатили науку огромным фондом источников (Матющенко 2001: 44). Радлов разработал четырехчленную периодизацию истории материальной культуры населения Южной Сибири эпохи металлов и пытался связать эти древности с этническими общностями, известными по письменным источникам. Так, стремясь реконструировать погребальный обряд древнего населения Горного Алтая, он привлек китайские источники по уйгурам, в которых содержалась информация о погребально-поминальных традициях древних народов Сибири. Отмечая существенные различия курганов в Катанде и Берели от памятников эпохи бронзы, ученый полагал, что они были оставлены пришлым населением, т. е. он первым указал на то, что культура населения Горного Алтая скифского времени сформировалась в результате инкультурного влияния.

В 1891 г. Радлов организовал Орхонскую экспедицию, в ходе которой были открыты памятники тюркской рунической письменности и развалины древнеуйгурской столицы Карабалгасуна. По результатам своих исследований, а также используя коллекции местных собирателей (в частности, горного инженера И. А. Лопатина), он подготовил обобщающую работу «Сибирские древности», изданную Археологической комиссией в трех выпусках серии «Материалы по археологии России» (Радлов 1888, 1891, 1894).

Приступив к руководству музеем, Радлов в первую очередь наладил систему научной регистрации коллекций, взяв за основу схему, принятую в Копенгагенском музее, при которой каждый предмет получал двойной номер — коллекционный и порядковый. Одной из первоочередных задач новый директор считал пополнение созданного в 1894 г. Археологического отдела музея, который должен был выполнять две функции. Первая обязывала его быть своего рода введением к этнографической части экспозиции, демонстрируя посетителям доисторическую культуру человечества. Вторая должна была восполнить пробел в ряду столичных музеев из-за отсутствия специального археологического музея. Для реализации поставленных задач академик Радлов предложил Обществу собрания Академии «обратиться в Императорскую Археологическую комиссию с просьбой помочь нам полнить археологический отдел нашего Музея. Мне известно, что в комиссии ежегодно собирается богатый материал древностей, находимых во всех частях России, и что эти коллекции ежегодно распределяются между различными музеями. Так как в С.-Петербурге нет археологического музея, то эти коллекции отправляются в Москву и другие города. Я лично обращаюсь к председателю Археологической комиссии и убедился, что он охотно исполнит нашу просьбу. Если Академия официально обратиться к нему» (Ко дню семидесятилетия 1907: 37). Этот призыв был услышан в Археологической комиссии, которая с этого времени стала регулярно передавать в МАЭ отдельные находки, целые коллекции и особенно краниологические материалы, полученные в ходе раскопок в различных местах. Например, отчет музея за 1906 г. сообщал, что «Археологический отдел обогатился 16 коллекциями (свыше 2000 предметов, не считая многих тысяч предметов, еще не зарегистрированных). Громадное большинство относилось к области керамики, отчасти — бронзы, и поступило в Музей от Императорской Археологической комиссии, весьма сочувственно относящейся к деятельности этого отдела» (Отчет АН 1906: 85). В 1908 г. Археологическая комиссия опять уведомляла Музей антропологии и этнографии, «что она с особенным удовольствием озабочена пополнением Музея предметами древности, так как уже давно ощущалась потребность иметь в С. Петербурге большой, доступный и надежно организованный археологический музей. С своей стороны Комиссия позволяет себе, кроме того, напомнить Музею, что в собраниях Императорского Эрмитажа имеются излишние для него, но ценные для Музея коллекции, которые могли бы быть ему переданы по исходатайствованию соответственного Высочайшего разрешения» (ГФА РАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 57. Л. 102).

В 1889 г. музей получил во временное пользование 7 комнат в флигеле главного здания Академии; в эти помещения были переведены два отдела: антропологический и доисторической археологии. В 1898 г. «для приведения в порядок и регистрации коллекций отделов Антропологического и Доисторической археологии был приглашен окончивший Парижскую Антропологическую школу Н. М. Могилянский» (Ко дню семидесятилетия 1907: 49), но вскоре он перешел в Этнографический отдел Музея Императора Александра III.

Крупные поступления археологических коллекций были в 1893 и 1894 гг. — 1009 и 2026 предметов соответственно, но особенно активно археологический отдел стал пополняться с 1906 г. — 5011 предметов. Дальнейшие поступления были малочисленнее: в 1907 г. — 4059, в 1908 г. — 2502, в 1910 г. — 2959 и т. д.

(Музей 1917: 303). «Археологический отдел, принужденный ютиться в крошечной комнатке, растет не по дням, а по часам», — отмечали современники (К дню семидесятилетия 1907: 102). К 1914 г. в отделе доисторической археологии насчитывалось почти 28 тысяч предметов, а в 1889 г. их числилось всего 3385 (Музей 1917: 237), т. е. за 15 лет произошло увеличение фонда в семь раз!

По-прежнему самые большие поступления археологических коллекций были из Археологической комиссии; так, в 1909 г. она передала 1348 предмета, среди которых были коллекция из раскопок П. Г. Тарасова Поломского могильника в Вятской губернии, золотые вещи из раскопок курганов Акмолинской области, проведенных А. А. Козыревым. Для учебных целей была приобретена коллекция муляжей палеолитических орудий Франции (Отчет АН 1909: 105–107). В 1910 г. Археологическая комиссия передала 1964 предмета, среди них были находки из раскопок Н. М. Печенкина в Херсонесе (217 вещей), из раскопок в Керчи (66), из раскопок Н. И. Веселовского на Кубани (36), из раскопок Емельянова в Вятской губернии (554), из раскопок А. А. Миллера (45), из Тамбовской и Симбирской губерний (850), из Америки (67). 975 номеров составила коллекция древних фресок из Восточного Туркестана, собранных экспедицией С. Ф. Ольденбурга. Много археологических предметов поступало из Географического общества (Отчет АН 1910: 105–125).

Основным способом пополнения коллекций музея оставались дарственные приношения от отдельных ученых и организаций, но в 1906 г. были предприняты и самостоятельные археологические раскопки, когда музей командировал в район Балахны для их производства В. И. Каменского, проводившего с 1901 г. исследования неолитических стоянок на Оке. Будучи членом Нижегородской губернской ученой архивной комиссии и слушателем Петербургского Археологического института, Каменский установил сотрудничество с А. А. Спицыным, в «Записках отделения славяно-русской археологии» РАО стали появляться его работы. С 1907 г. он начинает работать в археологическом отделе МАЭ в качестве внештатного сотрудника и вместе с «младшим этнографом» Б. Ф. Адлером занимается регистрацией коллекций и подготовкой экспозиции. В 1908 г., получив небольшие денежные средства от музея, В. И. Каменский осмотрел несколько городищ (Богородское, Одоевское) и провел раскопки «Чортова городища» и «Черемисского кладбища» в окрестностях Ветлуги. Отчет о раскопках Чортова городища был напечатан в Сборнике МАЭ (Каменский 1909), а рукописный отчет о раскопках Черемисского кладбища сохранился в архиве (Архив МАЭ. Кол. 1265. Л. 63–73). Об этих раскопках и их результатах Каменский рассказал также в письмах к коллегам по музею: «Раскопка первого городища, “Чортого”, находящаяся от г. Ветлуги в 8 верстах при очень тщательной работе с грохотами дает очень мало существенного, кроме действительно чортовой уймы черепков, совсем грубых, без узоров и без ушков, но с загадочными дырочками у горлышка сосуда и по середине. Примесь к глине исключительно дресва (куски кварца, пол. шпата и сланца). Из вещей попалась часть железной кольчуги, жел. наконечник стрелы лавролистной формы, жел. шило и ножик, перстень сломанный и пр. Попадаются и глиняные ковшечки для плавления металла и отливания его в формы, глиняная погребушка и еще какие-то удивительные кубики и кирпичики из глины со значками на манер игральные косточки или домино.

содействие и обеспечивать лошадьми и охраной. Поскольку экспедиция в этих районах была небезопасной, археолог в качестве экипировки получил два револьвера и винтовку. В начале июля он сообщал Радлову: «Глубокоуважаемый Василий Васильевич! После долины Койтас Арчалинской волости, о которой я Вам писал, раскопка производилась мною на участке Александра Дмитриевича Шайтанова (бывшего сепаратиста), близ г. Усть-Каменогорска. Там оказалась каменная статуя монгольского типа, интересная тем, что в руках, опущенных к низу, она держит сосуд. Эту статую я решил взять и отправить в Музей, для чего был мною заказан в городе особый ящик, в котором, надеюсь, эта статуя дойдет без поломок; вес ее с ящиком 31 п. 30 ф.

Курганы там имели вид уже раскопанных, кроме одной, осыпанной камнями, могилы. Я ее раскопал, — оказалось конное, очень неглубокое, вероятно, зимнее погребение. Из вещей: железные наконечники стрел, удела и медная пряжка. Железо очень ржавое, разрушается от прикосновения.

Недалеко от Шайтановского участка, в долине речки Кара-Узё(о)к мы встретили группу курганов и могил, обложенных кругами из белых камней. Раскопка двух из них показала, что они — типа Койтасских и давно уже ограблены и тщательно снова засыпаны с соблюдением обряда в одном случае простого, в другом — трупосожжения. Мною взяты: кальцинированные косточки человека и обломки почти целого горшка с великолепным древним орнаментом, состоящим из меандра и треугольников в том их порядке, в каком они наблюдаются на плетенных корзинках сев.-американских племен. — Эти могилы очень меня интересуют и я приложу все свои старания к тому, чтобы найти целое нетронутое и богатое погребение этого типа. В настоящее время я нахожусь в Кокпектах по дороге на Сергиополь, где буду копать со студентом Бобковым» (ПФА РАН Ф. 148. Оп. 1. Д. 62. Л. 31–32).

Кроме Каменского, в экспедиции для археологических раскопок музеев направлял в 1906 г. «студента Даниила Тимофеевича Яновича на летние месяцы в Тверскую и Новгородскую губ. для производств раскопок неолитических местонахождений, а также для предварительных разведок озерных местностей, где предполагаются остатки свайных жилищ, и попутного собирания этнографических объектов и ассигновав ему на расходы по командировке 200 рублей из сумм Музея» (ПФА РАН Ф. 142. Оп. 1. Д. 57. Л. 50). Также музей командировал в 1912 г. С. М. Широкогорова и В. Н. Робинсона в Тверскую губернию, в 1913 г. — И. Т. Савенкова и В. М. Лемешевского в Тверскую губернию для обследования стоянок каменного века; шведского археолога Т. И. Арне для раскопок в различных местах, в 1914 г. — С. М. Дудина в Восточный Туркестан, В. М. Сиротину и В. М. Лемешевского в 1915 г. — для исследования палеолита в окрестностях Ржева, Б. Э. Петри в 1913 и 1916 гг. — на Байкал (ПФА РАН Ф. 142. Оп. 1. Д. 63. Л. 482; Д. 66. Л. 18; Д. 69. Л. 103; Д. 70. Л. 59).

Археологический отдел был открыт для публики только в 1909 г. и почти сразу же начался его перевод в помещения третьего этажа музейного флигеля, что обещало «сделать его ядром большого археологического музея в Петербурге». В двух больших залах третьего этажа предполагалось устроить памятный отдел Петра Великого, куда должны были войти собрания Петровской галереи Эрмитажа, а во втором зале — разместить экспозицию отдела археологии. На создание новой экспозиции ушли 1910 и 1911 гг., и она была готова

к началу 1912 г., когда неожиданно и скоропостижно умер Каменский. Окончательное открытие залов третьего этажа для публики состоялось в торжественной обстановке 20 мая 1912 г. в присутствии его императорского высочества князя Александра Георгиевича Романовского, который замещал болевшего президента Академии наук — великого князя Константина Константиновича. На церемонии открытия также присутствовали товарищ министра народного просвещения В. Т. Шевяков, вице-президент Академии П. В. Никитин, академики, члены Государственного Совета, представители науки и искусства. Император прислал телеграмму из Ялты, выражая свое «удовольствие» по случаю открытия новой экспозиции музея.

В 1910–1917 гг. в музее работал Б. Э. Петри, который помимо этнографических исследований активно занимался археологией, исходя из представления о ее тесных связях с этнографией и антропологией (Сирина 2002: 62). Во время трех экспедиций в Сибирь (1912, 1913 и 1916 гг.), которые финансировались Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии, он открыл серию неолитических стоянок и поселений железного века в южной части побережья оз. Байкал и провел их раскопки. Среди исследованных памятников были многослойная стоянка Улан-Хада, стоянки в бухтах Песчаная и Академическая, кроме того были проведены раскопки землянок в местности Уту-елга, где были обнаружены следы добычи железной руды и железоделательного производства. Описание этих работ и находок Петри поместил в Сборнике МАЭ и Отчете АН (Петри 1916а: 1916в), а коллекции пополнили собрания музея.

Именно Б. Э. Петри стал заведующим археологическим отделом музея после смерти В. И. Каменского, и ему пришлось доделывать археологическую экспозицию, составлять каталог археологических коллекций (ПФА РАН Ф. 142. Оп. 1. Д. 22). В 1916 г. он выпустил путеводитель по археологическому отделу (Путеводитель 1916), который дает ясное представление о структуре существовавшей тогда экспозиции. В ее основу были положены хронологический и территориальный принципы. Первая витрина, посвященная палеолиту Западной Европы, содержала отдельные каменные, костяные и роговые орудия, расположенные по периодизации Г. де Мортилье. Следующие две витрины показывали подобные находки на территории Сибири и Европейской России. Здесь центральное место занимали коллекции И. Т. Савенкова из раскопок Афонтовой горы и И. С. Полякова из Костенок. Значительно шире были представлены материалы эпохи неолита, которые занимали десяток витрин и «шкапов». Демонстрировались коллекции Полякова и Каменского со стоянок в районе Балахны в Нижегородской губернии и дюнных стоянок на Оке, коллекции и отдельные находки из Карелии и Сибири. Неолитическая культура Байкала была представлена материалами стоянки Улан-Хада. Отдельные витрины были посвящены неолиту Амурской области, Японии, Сахалина и Камчатки. Неолит Западной Европы представляли материалы свайных поселений Швейцарии и датских кьекемедингов («кухонных остатков»).

«Шкапы» № 103 и 104 демонстрировали находки бронзового века из Дании, а № 97 и 98 — из Енисейского края. В этой части экспозиции не было четкого деления на бронзовый и железный век, и, как писал Петри, «образцы века металлов расположены исключительно в географическом порядке» (Путеводитель 1916: 24). В отдельных витринах находились коллекции из раскопок

Ананьинского могильника на Каме, раскопок Каменского на Чертовом городище и Черемисском кладбище в Ветлужском уезде Костромской губернии. В витрине, посвященной Кавказу, были древности Кобанского могильника и находки Э. Ресслера в Елисаветопольской губернии. Витебская губерния была представлена могильниками из раскопок Е. Р. Романова, а Вятская губерния — Поломским могильником. Кроме витрин («шкапов») с металлическими орудиями, украшениями и керамикой, в экспозиции находились каменные бабы, а завершалась она материалами раскопок греческих колоний в Северном Причерноморье.

Заметное преобладание коллекций по каменному веку стало отличительной чертой археологического отдела МАЭ и в более поздние времена (Нечаева и др. 1964: 154). Также нетрудно заметить, что археологическая часть экспозиции Музея антропологии и этнографии преследовала несколько иные цели и была построена на иных принципах, чем экспозиции Императорского Эрмитажа. Она ставила своей основной задачей показ эволюционного развития культуры человека с древнейших времен до исторических эпох и служила как бы введением к этнографическому разделу экспозиции. Правда, нельзя не признать, что ее территориальное расположение в музее на третьем этаже оказалось не слишком удачным, поскольку «введение» вместо того, чтобы предварять этнографические залы, заключало их. Тем не менее эта экспозиция была по сути единственной в Санкт-Петербурге общедоступной для широких слоев публики значительной музейной выставкой материалов и коллекций по первобытной археологии.

С 1913 г. в отделе археологии начал работать В. М. Лемешевский, а вскоре он и возглавил его. В том же году он вместе с И. Т. Савенковым проводит археологические разведки в Тверской губернии. Исследователи изучают местные собрания по каменному веку, обследуют берега Волги, собирают коллекцию, составившую около 750 предметов, которая, согласно их мнению (ошибочно по современным представлениям), характеризовала переходную эпоху от мустье к ориньяку (Отчет АН 1913: 175). В 1914 г. Лемешевский был командирован МАЭ в Париж, где он изучал коллекции Сен-Жерменского музея национальных древностей Франции. В 1916 г. музей получил в дар от П. В. Сюзева большую (более 2000 предметов) коллекцию по трипольской культуре, собранную в Галиции и Бессарабии, а С. М. Широкогоров провел обследование берегов Амура, в ходе которого были открыты 4 неолитических стонки и целая серия поселений и могильников более поздних эпох. В том же году в отделе были организованы учебные занятия для слушателей Высших географических и Высших женских курсов. С материалами археологического отдела в течение нескольких лет приезжали работать К. И. Сойкелли, Ю. Айлио, А. Хакман из Гельсингфорса (Хельсинки), Т. Арне, Г. Гальштрем, д-р Шнитгер из Стокгольма, отечественные исследователи — хранитель исторического музея в Москве П. А. Незнамов, Е. А. Рыдзевская.

Помимо отдела доисторической археологии, в музее существовал отдел исторической археологии Средней Азии, содержавший коллекции Китайского и Русского Туркестана. Начало обоим собраниям было положено в 1882 г. коллекциями А. Э. Регеля, собранными в ходе экспедиции 1879 г. Затем туда поступили материалы из раскопок Афрасиаба, проведенных В. В. Бартольдом

в 1904 г., коллекция Е. И. Александера, материалы экспедиций С. Ф. Ольденбурга. С 1910 г. отделом заведовал С. М. Дудин «под общим руководством С. Ф. Ольденбурга», и к 1914 г. там насчитывалось 5714 археологических предмета, которые хранились в МАЭ до 1934 г., когда произошла их передача в Эрмитаж (Вишневецкая 1989: 16).

В заключение надо отметить, что стремительно растущие в начале XX столетия археологические собрания музея вполне обоснованно претендовали на то, чтобы заполнить некую лакуну в музейном пространстве Петербурга — Петрограда, образовавшуюся из-за отсутствия специального музея, посвященного первобытной археологии. Их присутствие в Музее антропологии и этнографии было вполне логичным, поскольку все три дисциплины воспринимались в то время в качестве триединого целого — науки о первобытной культуре человечества. Многие аналогичные музеи европейских столиц: Парижа, Берлина, Рима, Лондона также сочетали в себе археологические и этнографические коллекции. Например, до сих пор римский музей Луиджи Пигорини состоит из археологической и этнографической частей. Однако рост археологической экспозиции, которая в полноценном объеме появилась только в 1912 г., оказался скован общим недостатком экспозиционных площадей в музее.

В 1917 г. В. В. Радлов подготовил специальную «Записку в академическую комиссию для рассмотрения вопроса об образовании Государственного Музея Антропологии, Этнографии и Археологии». Этот проект предусматривал объединение в одном музее всех имеющихся в Петрограде этнографических и археологических коллекций: «...по отношению к нашему Музею нужно принять во внимание, что целый ряд этнографических собраний хранится в Эрмитаже, в Географическом обществе, в Артиллерийском и других музеях, и в частности Этнографический Отдел Русского Музея Императора Александра III представляет собой в целом учреждение, преследующее тождественные с академическим музеем цели, хотя и в более ограниченных размерах. Точно также с коллекциями археологическими в Археологической комиссии, Артиллерийском музее и некоторых других учреждениях» (цит. по: Решетов 1996: 35). Проект этот не был реализован, но пополнение археологических собраний МАЭ в послереволюционные годы не только не прекратилось, а даже увеличилось. В 1920–30-е гг. поступают крупные коллекции из раскопок П. П. Ефименко, С. Н. Замятина, Г. А. Бонч-Осмоловского, С. Н. Бибикова, В. И. Равдоникаса, А. В. Шмидта, В. А. Городцова, Н. И. Репникова, П. Н. Третьякова и многих других археологов. В итоге археологическое собрание МАЭ включало более тысячи коллекций, насчитывающих почти 600 тысяч единиц хранения. В 1933–1938 гг. археологический отдел возглавлял П. П. Ефименко, с 1933 г. там начал работать С. Н. Замятин, возглавивший отдел в 1945 г. (Кунсткамера 2009: 244, 248).

Еще одна попытка «конституировать» археологию в названии и научном профиле учреждения была предпринята в 1935 г., когда Институт антропологии и этнографии АН СССР, созданный на базе музея в 1933 г., был переименован в Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР. Не лишним будет здесь вспомнить, что первый выпуск сборника «Советская археология» в 1936 г. был подготовлен именно этим институтом. Но 5 августа 1937 г. Президиум АН СССР принял решение о его преобразовании в Институт этнографии

с Музеем антропологии и этнографии имени Петра Великого. Исчезновение археологии из названия, скорее всего, было связано с созданием Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра АН СССР, в который была преобразована Государственная академия истории материальной культуры. Это решение было принято на том же заседании 5 августа 1937 г. Два института археологии для одной академии — это было слишком много!

На рубеже XIX и XX столетий в Петербурге появился еще один музей, сфера деятельности которого включала этнографию. Речь о Русском музее. Хотя представители Академии наук и сам директор академического музея В. В. Радлов входили в консультативную группу по созданию Этнографического отдела Русского музея, схожесть задач не могла не привести к некоторому параллелизму и даже конкуренции в их деятельности, тем более что Русский музей, входивший в структуру Министерства императорского двора, финансировался значительно щедрее, чем учреждения Академии наук.

Русский музей Императора Александра III был учрежден именованным высочайшим указом Николая II 13 апреля 1895 г. и согласно первоначальной структуре, состоял из трех отделов: посвященного памяти Александра III, Художественного и Этнографического. Началу деятельности последнего предшествовали три совещания, посвященные вопросам организации и устройства отдела: 30 января, 13 февраля и 17 апреля 1901 г. 10 января 1902 г. был утвержден временный штат сотрудников Этнографического Отдела (далее — ЭО) Русского музея Императора Александра III. В этом же году начался систематический сбор коллекций (Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 14. Л. 32–38). Что же касается археологических исследований, то определенная направленность их развития была задана уже в «Замечаниях относительно организации Этнографического отдела Русского музея императора Александра III». При обсуждении направлений работы создаваемого отдела авторитетный антрополог, этнограф и археолог, профессор Московского университета Д. Н. Анучин заметил, что «этнография соприкасается, с одной стороны, с промышленностью, с другой — с археологией. Часто самыми любопытными этнографическими предметами являются старинные, выходящие или вышедшие уже из употребления. Необходимо обсудить, в какой мере может быть допущен в этнографическом музее археологический элемент. Мне кажется, что не допускать его нельзя, и может быть даже поставлен вопрос — не уместны ли были в этом музее воспроизведения некоторых типов прошлого — по данным из раскопок и старинным изображениям и предметам» (Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 12. Л. 60б). Также необходимо учесть, что Д. А. Клеменц, назначенный заведующим отделом, имел немалый опыт полевого исследователя-археолога (Дэвлет 1963; Савинов 1998), и, работая до этого назначения в МАЭ (Решетов 1998), был хорошо знаком с практикой сочетания, сбора и экспонирования археологических коллекций в этнографическом музее.

В одном из первых журналов заседаний Этнографического отдела можно встретить, например, запись о том, что 6 января 1902 г. хранитель К. А. Иностранцев сообщил, что «горный инженер Корзухин приносит в дар музею 6 глиняных черепков из с. Кондуй Забайкальской области. Постановили: принять дар и поручить К. А. Иностранцеву выразить благодарность жертвователю» (Архив РЭМ Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 19). В 1901–1902 гг. поступило более

350 археологических предметов из Самарканда и его окрестностей от художника и фотографа, участника экспедиций в Среднюю Азию С. М. Дудина. В 1910 г. значительные археологические коллекции из памятников Кавказа (более 2500 предметов) были получены в дар от управляющего музеем великого князя Георгия Михайловича.

Заметная активизация деятельности Этнографического отдела по сбору археологических коллекций произошла к концу первого десятилетия XX в. и была связана с приходом в отдел Ф. К. Волкова и А. А. Миллера. Ф. К. Волков, вернувшись из эмиграции, с 1907 г. занял должность хранителя отдела. Ученик Г. де Мортилье, Волков антропологию понимал как науку, состоящую из трех разделов: анатомической антропологии, этнографии, доисторической антропологии. Для названия последнего раздела, «изучающего происхождение и развитие человечества в физическом и бытовом отношении во времена, предшествовавшие появлению исторических сведений», он предпочитал вслед за Мортилье использовать термин «палеоэтнология» (Волков 1913; 1915). Поэтому для него совершенно естественным было соединение всех трех разделов в единый комплекс знания и стремление пополнять быстро накапливавшиеся собрания отдела не только этнографическим, но и археологическим материалом.

В мае 1908 г. в распоряжение Волкова была передана сумма в 400 рублей для археологического изучения черемисских могильников в Костромской губернии, но он предложил отправить с этой целью своего студента по Санкт-Петербургскому университету П. П. Ефименко (Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 40. Л. 53). (Выше уже упоминалось, что в то же самое время эти же памятники исследовал по заданию МАЭ В. И. Каменский.) В ходе раскопок Ефименко собрал коллекцию из 123 предметов, которая поступила в собрания отдела. Также по инициативе Ф. К. Волкова другой его ученик по Петербургскому университету С. И. Руденко в 1909 г. на средства Русского музея провел раскопки Усть-Полуйского могильника в окрестностях Обдорска в низовьях Оби (современный Салехард). Раскопки носили локальный характер: Руденко ограничился сбором подъемного материала и раскопками девятнадцати могил, которым угрожало разрушение. В результате был получен не просто сопроводительный инвентарь (оружие и орудия, ножи, ножны, котлы, ковши, табакерки, остатки костюмов и украшения, домашняя утварь и др.), но и крайне интересный «сравнительно-этнографический материал, характеризующий погребальный обряд и культ мертвых остяцкого населения» (Шмидт 2006: 9). Руденко датировал исследованные погребения 40–50-ми гг. XIX в. Исследователь основывался не только на анализе находок, но и на устных свидетельствах местного населения. Методика С. И. Руденко в полной мере соответствовала палеоэтнологической концепции: каждый артефакт рассматривался «с подробным описанием его местонахождения, размеров, формы, функциональных особенностей вещи и ее применения в повседневной жизни» (Шмидт 2006: 9). Интерпретация находок включала этнографические параллели, сопоставление с музейными коллекциями и письменными источниками. Коллекция из 304 номеров на следующий год поступила в Этнографический отдел, а в 1914 г. в редактируемом Ф. К. Волковым сборнике отдела вышло ее описание (Руденко 1914).

Еще один ученик Волкова, А. А. Миллер, начал сотрудничать с Этнографическим отделом в 1906 г., а в 1907 г. ЭО и ИАК командировали ученого на Кавказ,

где на Черноморском побережье он в течение лета изучал материальную культуру абхазов и черкесов, собирал коллекции, производил археологические разведки и раскопки в районе Новороссийска, Геленджика, Туапсе. Серия археологических коллекций, собранных в ходе этих работ, поступила в отдел из Археологической комиссии. В конце 1908 г. Миллер был назначен штатным хранителем отдела вместо ушедшего К. А. Иностранцева (Решетов 2001: 8).

На заседании отдела 9 декабря 1910 г. Н. М. Могиланский поднял вопрос об археологических коллекциях, накапливающихся в отделе, и о том месте, которое они должны занимать среди этнографических коллекций музея. В результате были приняты следующие положения:

«1) Археологические коллекции и предметы должны найти место среди бытовых предметов, так как они объясняют нам данные этнографии.

2) Отделом должны быть намечены те культуры (археологические), коллекции по которым желательно иметь в Отделе Этнографии и о приобретении которых Отдел должен позаботиться.

3) На собирание археологических материалов ассигнуется в общем на все районы 1000 рублей, причем заранее устанавливается план собирания, вырабатываемый совместно по всем районам» (Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54. Л. 38).

Крупные коллекции (более 2000 предметов), собранные в Пятигорском округе Терской области и Кабарде, были в 1910–1911 гг. приобретены за 400 рублей у Е. А. Неверовского (Архив РЭМ Ф. 1. Оп. 1. Д. 54. Л. 50). В 1912 г. была куплена у К. Д. Логиновского коллекция археологических находок, собранная на Камчатке (154 предмета); в дар от М. Г. Анненской получена коллекция из Весьегонского уезда Тверской губернии (102 предмета), и от С. И. Руденко — находки из Кустанайской губернии (1039 предметов). В 1913 г. приобрели коллекции Е. А. Поповой из окрестностей Нальчика (901 предмет) и Е. Р. Запорожского из Кубанской области (55 предметов). Любопытно, что среди продавцов оказался и сотрудник ИАК профессор Н. И. Веселовский (коллекция № 2885 из 26 предметов, найденных в Кубанской области). Немало находок из различных областей передавала Археологическая комиссия и многочисленные дарители. Чаще всего это были единичные вещи или небольшие коллекции, насчитывающие, как правило, не более десятка предметов. В некоторых случаях отдел отказывался от приобретения предложенных коллекций, так на одном из заседаний в декабре 1911 г. К. К. Романов доложил «о полной неудовлетворительности» дневника и отчета о раскопках, представленных В. А. Бабенко вместе с его находками из Верхне-Салтовского могильника. Предложение Бабенко о покупке у него этой коллекции было в итоге отклонено (Архив РЭМ Ф. 1. Оп. 1. Д. 72. Л. 64об). В 1912 г. помощник управляющего Русским музеем императора Александра III граф Д. И. Толстой сообщил о предложении Н. К. Рериха уступить Русскому музею за 5000 рублей его археологическую коллекцию. Ф. К. Волков, ознакомившийся с собранием, высказал мнение о нецелесообразности такой покупки, поскольку в случае необходимости отдел, затратив сумму более чем в десять раз меньшую, мог бы собрать новую коллекцию в этом же регионе. В итоге постановили «просить гр. Д. И. Толстого передать Н. К. Рериху, что по условиям текущего момента коллекция неолитических орудий представляет лишь второстепенный интерес для отдела, который стремится дополнить в соответствующих местах те этнографические

материалы, которые имеют близкую связь с доисторическими документами материальной культуры. Коллекцию Н. К. Рериха отдел не нашел бы возможным выставить, и ее пришлось бы держать уложенной и недоступной для обозрения. Кроме того, и затрату большой суммы на специальные археологические коллекции отдел находит невозможным ввиду того обстоятельства, что еще многие прямые задачи отдела не осуществлены» (Архив РЭМ Ф. 1. Оп. 1. Д. 79. Л. 16об). На этом же заседании было решено отклонить передачу предметов из раскопок Н. И. Репникова в Херсонесе «как относящихся к римской поре и впредь приобретать и принимать в дар лишь коллекции, близкие по своему характеру с этнографическими материалами музея».

Вместе с тем в принципах собирания археологических материалов в ЭО прослеживалась явная непоследовательность и отсутствие определенных критериев. Так, например, в ноябре 1913 г. Ф. К. Волков предложил обратиться в ИАК с просьбой о передаче Этнографическому отделу коллекции «грекоримской керамики» (Там же. Д. 89. Л. 41об). А в октябре 1918 г. было решено приобрести за 800 рублей коллекцию древностей из Волосова, «состоящую из 14 таблиц со многими типичными орудиями из кремня и кости», которую предлагала вдова коллекционера Иверсена. Хотя в дальнейшем имеющиеся в Этнографическом отделе археологические коллекции планировали перевести в «особый Археологический музей», в силу того что «собираение археологических коллекций не входит в прямые задачи Отдела», сотрудники высказались за приобретение волосовских древностей «в целях сохранения ценного собрания» (Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11а. Л. 40).

В отличие от МАЭ, Этнографический отдел Русского музея не стремился наполнять свои фонды остеологическими материалами. Так, в сентябре 1910 г. А. А. Миллер доложил, что им доставлены не только предметы из раскопок черкесских могильников, но и черепа. Этнографическая ценность находок сомнению не подвергалась, а в отношении краниологических материалов было принято следующее решение: «Все поступающие в Этнографический Отдел Музея черепа пересылать в кабинет антропологии при С.-Пб Университете для описания и изучения, а потом передавать в Музей Императорской Академии Наук» (Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 64. Л. 12). Фаунистический материал из раскопок Н. И. Репникова стремились передать в Зоологический музей Академии наук.

Наиболее крупными полевыми археологическими исследованиями, финансируемыми Этнографическим отделом Русского музея, стали раскопки Н. И. Репникова в Старой Ладогге. Выпускник Петербургского Археологического института и вольнослушатель историко-филологического факультета Петербургского университета, Репников был учеником А. А. Спицына и неоднократно работал по его заданиям. В 1909 г. он на собственные средства провел небольшие разведочные работы на Земляном городище. Собранная коллекция позднее поступила в Этнографический отдел. 1 мая 1910 г. Н. М. Могилянский предложил выделить Репникову 500 рублей на производство раскопок и сбор этнографических предметов в Старой Ладогге (Архив РЭМ Ф. 1. Оп. 1. Д. 63. Л. 34об). С 5 мая по 12 июня он заложил десять шурфов в разных частях городища, которые показали уникальность этого памятника и убедили исследователя в необходимости масштабных планомерных работ. В докладной записке, поданной в Этнографический отдел, он писал: «Разведочные работы 1910 г.

отдел не успел создать своей экспозиции. В. И. Равдоникас в 1924 г. возмущался условиями хранения старолadoжских коллекций Репникова в Русском музее (Равдоникас 1924: 27). Вместе с этнографическими собраниями археологические материалы музея серьезно пострадали во время наводнения 1924 г., так как хранились в подвальных помещениях. В годы Великой Отечественной войны в здание музея попала авиабомба, разрушив как раз помещения, где находились археологические коллекции. Уцелевшие вещи в количестве 29 146 единиц хранения в 1954 г. были переданы в Государственный Эрмитаж и ныне хранятся в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири.

Литература

- Артюх Е. А. 2005. К вопросу о методике археологических исследований во 2-й пол. XIX в. (на примере деятельности В. В. Радлова) // В. А. Скубневский, Ю. М. Гончаров (ред.). Актуальные вопросы истории Сибири. Пятые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул: Аз Бука. 251–254.
- [Бакмейстер И.] 1779. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской академии наук. СПб.
- Бартольд В. В. 1920. Нумизматическое отделение // Азиатский музей Российской академии наук 1818–1918. Краткая памятка. Петербург. 107–112.
- Бойцова О. С. 2009. Судьба археологической коллекции Н. И. Репникова из раскопок на Земляном городище в Старой Ладогe // Старолadoжский сборник. Вып. 7. СПб.: Нестор-История. 5–12.
- Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. 2002. Вклад Иоганна Вильгельма Люрсениуса в изучение древностей Южной Сибири // А. С. Мыльников, Т. А. Шрадер (ред.). Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII — XX века): биографический аспект. Материалы постоянно действующей конференции. Вып. 2. СПб.: МАЭ РАН. 12–18.
- Бэр К. М., Шифнер А. А. 1862. О собирании доисторических древностей в России для Этнографического музея // Записки Имп. академии наук. 1 (1). 115–123.
- Вишневецкая В. А. 1989. Из истории собирания среднеазиатско-казахстанских коллекций МАЭ (дооктябрьский период) // СМАЭ 43. 5–17.
- Волков Ф. К. 1913. Новейшие направления в антропологических науках и ближайшие задачи антропологии в России // ЕРАО 4. 1–8.
- Волков Ф. К. 1915. Антропология и ее университетское преподавание // ЕРАО. 5. 99–107.
- Губанов И. Б. 2009. Скандинавская бронза из коллекции МАЭ РАН в контексте истории древней Европы и межкультурных взаимодействий // Г. А. Хлопачев (ред.). Свод археологических источников Кунсткамеры. Вып. 2. Эпоха бронзы — позднее средневековье. СПб.: Наука. 86–102.
- Дэвлет М. А. 1963. Д. А. Клеменц как археолог // СА. 4. 3–9.
- Завитухина М. П. 1978. Коллекция Г. Ф. Миллера из Сибири — одно из древнейших археологических собраний России // СГЭ 43, 37–40.
- Итс Р. Ф. 1991. Введение в этнографию. Л.: Изд-во ЛГУ.
- Каменский В. И. 1909. «Чортово городище» в Ветлужском уезде по раскопкам 1908 г. // СМАЭ 7. 1–14.
- Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова 5 января 1907 года. 1907. СПб.
- Королькова Л. В. 2004. Н. И. Репников — исследователь Северо-Запада России // А. Д. Столяр (ред.). Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб.: Изд-во СПбГУ. 118–125.
- Кунсткамера 295 лет. История, исследования, коллекции. 2009. СПб.: Петроний.
- Лебедев Г. С. 1992. История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб.: Изд-во СПбГУ.

- Матющенко В. И.* 2001. 300 лет истории сибирской археологии. Т. 1. Омск: Изд-во Омского ун-та.
- Моисеева Т. М.* 2000. Петровская Кунсткамера в контексте западноевропейских музеев XVI–XVIII вв. // СМАЭ 48. 24–34.
- Музей антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого. 1917 // Материалы для истории Академических учреждений за 1889–1914 гг. Пг.: Тип. Рос. акад. наук. 243–307.
- Нечаева Л. Г., Попова Т. А., Федоров В. В., Фрадкин Э. Е.* 1964. Археологическое собрание Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Академии наук СССР // СМАЭ. 22. 151–168.
- Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1906 год, составленный непременным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1906 года. СПб., 1906.
- Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1909 год, составленный и. о. непременного секретаря академиком князем Б. Б. Голицыным и читанный в публичном заседании 29 декабря 1909 года. СПб., 1909.
- Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1910 год, составленный непременным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1910 года. СПб., 1910.
- Отчет о деятельности Императорской Академии наук по физико-математическому и историко-филологическому отделениям за 1913 год, составленный непременным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1913 года. СПб., 1913.
- Охрана памятников истории и культуры в России XVIII–XX вв. 1978 // Л. Г. Бескровный (ред.). М.: Институт истории СССР АН СССР, Институт археологии АН СССР.
- Петри Б. Э.* 1916а. Неолитические находки на берегу Байкала. Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада // СМАЭ 3. 113–132.
- Петри Б. Э.* 1916в. Отчет Б. Э. Петри о командировке на Байкал в 1916 г. // Отчет о деятельности Академии наук по отделению физико-математических наук, истории и филологии. Пг. 142–143.
- Платонова Н. И.* 2008. История археологической мысли в России (последняя треть XIX — первая треть XX вв.). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб.
- Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого. Этаж III. Зал 5. Археология. 1916. / Сост. Б. Э. Петри. Петроград.
- Равдоникас В. И.* 1924. Доисторическое прошлое Тихвинского края. Тихвин.
- Радлов В. В.* 1888. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 1. (МАР 3). СПб.: ИАК.
- Радлов В. В.* 1891. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 2. (МАР 5). СПб.: ИАК.
- Радлов В. В.* 1894. Сибирские древности. Т. 1. Вып. 3. (МАР 15). СПб.: ИАК.
- Решетов А. М.* 1995. Василий Васильевич Радлов // Курьер Петровской Кунсткамеры 1. 75–85.
- Решетов А. М.* 1996. Музей Антропологии и Этнографии РАН в последней четверти XIX — первой четверти XX века. Проблемы создания и реорганизации // Е. А. Окладникова (ред.). Кунсткамера вчера, сегодня, завтра. Т. 1. СПб. 9–44.
- Решетов А. М.* 1998. Д. А. Клеменц и Музей антропологии и этнографии Императорской академии наук // И. В. Дубов (ред.). Пигмалион музейного дела в России (к 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца). СПб.: Лань. 59–94.
- Решетов А. М.* 2001. Александр Александрович Миллер — выдающийся археолог, этнограф и музейвед (к 125-летию со дня рождения) // А. Г. Селезнев, С. С. Тихонов, Н. А. Томилов (ред.). Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск: Изд-во Омского пед. ун-та. 8–16.

- Решетов А. М. 2003. Интеграция наук в научной деятельности и трудах С. А. Теплоухова // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. Материалы IX Международного научного семинара, посвященного 160-летию со дня рождения Д. Н. Анучина и 190-летию со дня рождения М. А. Кастрена. Омск: Изд-во ОмГПУ. 17–21.
- Руденко С. И. 1914. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска // Ф. К. Волков (ред.). Материалы по этнографии России. Пг.: Изд. Этногр. отд. Рус. музея Императора Александра III [Т-во Р. Голике и А. Вильборг]. Т. 2. СПб. 35–56.
- Руденко С. И. 1962. Сибирская коллекция Петра I. М. -Л.: Изд. Этногр. отд. Рус. музея. [Руссов Ф. К.] 1869. Донесение исправляющего должность хранителя Этнографического музея Руссова об осмотре им заграничных этнографических музеев, читанное на заседании историко-филологического отделения 28 I 1869 года // Записки Императорской академии наук. 15. 100–104.
- [Руссов Ф. К.] 1891. Путеводитель по Музею императорской академии наук по антропологии и этнографии. СПб.
- Савинов Д. Г. 1998. Д. А. Клеменц и минусинская археология // И. В. Дубов (ред.). Пигмалион музейного дела в России (к 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца). СПб.: Лань. 111–119.
- Сирина А. А. 2002. Забытые страницы сибирской этнографии: Б. Э. Петри // Д. Д. Тумаркин (сост.). Репрессированные этнографы. Вып. 1. М.: Восточная литература. 57–80.
- Станюкович Т. В. 1953. Кунсткамера Петербургской академии наук. М.; Л.: Изд-во АН СССР.
- Станюкович Т. В. 1964. Музей антропологии и этнографии за 250 лет // СМАЭ 22. 5–150.
- Тихонов Д. И. 1973. Сокровища Азиатского музея и их собиратели (Исторический очерк) // СМАЭ. 29. 4–35.
- Тихонов И. Л. 1995. Записка Н. Е. Брандебурга «Об исследовании земляного городища в Старой Ладог» // А. К. Крылов, О. Ю. Крылова (ред.). Программа «Храм». Чтения памяти Николая Ефимовича Бранденбурга. СПб.: б. и. 150–158.
- Тихонов И. Л. 1995. Петербургская палеоэтнологическая школа (этапы формирования) // И. Л. Тихонов (ред.). Санкт-Петербург и отечественная археология. Историко-графические очерки: Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки». Вып. I. СПб.: Изд-во СПбГУ. 100–120.
- Тихонов И. Л. 2007. Г. Ф. Миллер как археолог // Д. Дальманн, Г. И. Смагина (ред.). Г. Ф. Миллер и русская культура. СПб.: Росток. 84–96.
- Тункина И. В. 2002. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX вв.). СПб.: Наука.
- Френкель Я. В. 2009. Стратиграфическая схема раскопок Н. И. Репникова на центральном участке Земляного городища Старой Ладogi и историко-этнографический потенциал коллекции бус из этих раскопок // А. А. Селин (ред.). Староладожский сборник. Вып. 7. СПб.: Нестор-История. 49–122.
- Шмидт О. Г. 2006. Археологические исследования С. И. Руденко в Северной Евразии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул. *Musei Imperialis Petropolitani. 1742. Vol. II. Petr.*
- Russow Fr. 1900. Beiträge zur Geschichte der Ethnographischen Anthropologischen Sammlungen der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften zu St.-Petersbourg // Сборник МАЭ 1. 1–175.